

ДЗ4

НОВГОРОД И НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ



разрушения средневекового храма при строительстве собора 1803 г. столб был разобран и, возможно, использован в качестве подпорного столба под пол.

Шурф 3 дал богатую керамическую коллекцию, хотя большая часть керамики происходит из нарушенных слоев. Керамический материал свидетельствует о том, что поселение на месте монастыря существовало еще со II тыс. до н.э. Обнаружено несколько фрагментов орнаментированной керамики т. н. эпохи раннего металла, а также около 20 фрагментов керамики раннего железа. Небольшое количество раннесредневековой керамики сочетается с материалами XIV-XVIII вв. В шурфе 3 обнаружено 2 погребения, датированных временем существования раннего храма, возможно, XVII-XVIII вв. Еще одно погребение найдено в шурфе 1.

Таким образом, в ходе работ 1999 г. найден юго-западный столб каменно-кирпичного Никольского храма, датированный предварительно второй половиной XV в.; вскрыты части апсиды и южной стены основного объема храма 1803 г., отмечено несоответствие в конфигурации и характере кирпичной кладки апсиды и ее плитнякового фундамента. Не исключено соотнесение стеновой и фундаментной кладок с разными строительными периодами. Возможно, что существовал еще один храм, может быть конца XVI в., к которому относится пол, зафиксированный в шурфе 3.

В ходе архитектурных разведок в Маловишерском районе было обследовано место Никольского Папоротского монастыря (дер. Папоротно), основанного в нач. XV в. Цель исследований: обмерить территорию, где находился Никольский храм, попытаться собрать строительные материалы, которые могли бы способствовать уточнению датировки памятника (сер. XV в. или 1522 г.). Данных для уточнения датировки храма не найдено, обнаруженные несколько фрагментов кирпичей могут относиться как к XV, так и к началу XVI в.

¹ В предварительной публикации по итогам работ (Антипов И. В., Булкин Вал. А., Селин А. А. Никольский Полистский монастырь // София. 2000. №1. С.30) ошибочно указано, что столб сложен в крестовой технике кладки.

РАЗДЕЛ II

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ НОВГОРОДА

Л. И. Петрова, И. Ю. Анкудинов, Н. Д. Фирсова

О КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ НОВГОРОДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV-XVII ВВ.*

Известно, что верхние горизонты характерного для Новгорода культурного слоя, насыщенного органическими остатками и деревянными сооружениями, датируются в основном началом – серединой XV вв. В отдельных случаях эти даты опускаются еще ниже – до конца XIII – начала XIV вв. (Людогощий, Добринин и ряд других раскопов)¹. Этот слой перекрыт напластованиями серой рыхлой земли с большим включением битого кирпича, камней, в которых отсутствуют деревянные сооружения и предметы из органических веществ. Предпринимавшиеся в первые годы раскопок в Новгороде попытки расчленить верхние напластования на узкие хронологические горизонты XVI, XVII, XVIII, XIX вв. не привели к успехам, и в дальнейшем эти слои получили обобщенную датировку – XVI-XIX вв. При этом, как известно, за первые пять веков, с X до середины XV в., отложился культурный слой мощностью в среднем от 4,5 до 5,5 м, а за такой же промежуток – с середины XV по XX в. – всего лишь 1–1,5 м.² Исследователи пришли к справедливому выводу о том, что культурные напластования XVI-XVII вв. в Новгороде не сохранились.

Одно из самых распространенных объяснений причин разрушения слоев XVI-XVII вв. заключается в том, что в XVIII в. в Новгороде на значительных площадях была сооружена дренажная сеть, которая привела к подсыханию напластований второй половины XV-XVII вв. и разложению в них органических остатков³. В качестве еще одной

* Настоящая работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-01-00159-а)

из причин разрушения культурного слоя называется «антропогенное воздействие», выразившееся в массовом строительстве с конца XV в. и особенно в XVIII-XIX вв. каменных домов с заглубленными фундаментами.⁴ На нынешнем этапе исследований такие объяснения представляются недостаточными.

По классификации А. Н. Сорокина, создавшего полный свод накопленных к настоящему времени сведений о водоотводных сооружениях древнего Новгорода, выделяется несколько их разновидностей, из которых самой распространенной является дренажная система с деревянными цилиндрическими трубами.⁵ По мнению А. Н. Сорокина, эта система появляется в Новгороде не ранее XV в., наибольшего размаха ее применение достигает в XVI-XVIII вв. и, видимо, в первой половине XIX в.⁶ Как отмечал А. Ф. Медведев, «основное назначение подобных систем – отводить грунтовые воды из-под различных построек, чтобы предохранить эти постройки, а также все в них находившееся от порчи и разрушения»⁷. К таким постройкам А. Ф. Медведев относил подполья срубов, ледники, церкви.

Культурный слой Новгорода характеризуется большой влагоемкостью, малой водоотдачей и небольшими значениями коэффициента фильтрации. Площадь осушения водопоглощающими колодцами в таких грунтах невелика. Учитывая размеры окна водопоглощающих колодцев (от 0,81 до 6 кв. м), их глубину (0,6-1,9 м),⁸ коэффициент фильтрации новгородской почвы (максимально – 0,2-0,4 м/сут), площадь осушения будет составлять в диаметре от 2 до 6 м, то есть равняться площади погреба, подвала дома⁹. Следовательно, эта система не могла радикально понизить уровень грунтовых вод по всей территории города и подсушить культурный слой¹⁰.

Столь же преувеличенным представляется утверждение о разрушительном воздействии на культурный слой строительства каменных построек с заглублением фундаментов, начавшегося в конце XVIII в. в связи с введением в Новгороде плана регулярной планировки. При этом исследователи отмечают, что план 1778 г. «оставил значительные внутридворовые пространства органоносного слоя, что определило возможность будущих исследований»¹¹. Однако, и на внутридворовых территориях слои второй половины XV-XVII вв., содержащие органику, также отсутствуют¹². Новые постройки, впущенные в культурный слой, уничтожали лишь локальные участки, не оказывая влияния на сохранность отложений на прилегающей территории.

Для понимания причин отсутствия в Новгороде культурных отложений с органикой второй половины XV-XVII вв. в первую очередь, как нам представляется, необходимо рассмотреть процесс формирования культурного слоя в этот период. Как известно, на процесс отложения культурного слоя влияет множество факторов: рельеф местности, климат, гидрогеологические условия, литология материковых отложений, численность населения, хозяйственная деятельность, система городского благоустройства и др. С X до середины XV в. средний темп прироста культурного слоя в районах древнейшей городской застройки составлял около одного метра в столетие, или 1 см в год. Таким образом, можно предположить, что при благоприятных условиях за вторую половину XV, XVI и XVII вв. должен был образоваться слой мощностью около 2-2,5 м, в реальности же такого слоя в Новгороде нет. Рассмотрим некоторые из вышеперечисленных факторов формирования культурных отложений и их влияние на мощность и сохранность культурного слоя с органикой в этот период¹³.

Вторая половина XV в. в истории Новгорода была насыщена политическими потрясениями. По-видимому, какое-то влияние на динамику роста культурного слоя в этот период должен был оказать вывод из Новгорода части населения, предпринятый московским правительством. Но необходимо подчеркнуть, что в экономическом отношении это было время стабильного роста, а демографические потери в результате боярских выводов компенсировались (по крайней мере, в значительной части) за счет переселенцев из других земель Русского государства.

Первая половина XVI в. была временем, благоприятным для развития хозяйства страны. Об активной жизни в Новгороде и росте его территории в это время свидетельствуют, например, активное церковное строительство и бурное развитие заполий – территорий, расположенных за линией вала Окольного города.

Экономический подъем первой половины XVI в. сменился в 60-70-е годы жесточайшим экономическим кризисом и запустением. Писцовая книга 1582/83 г. рисует картину страшного опустошения города: более 80% описанных в ней дворов значатся запустевшими¹⁴. При этом следует учитывать, что в результате эпидемий, политических и экономических потрясений 60-70-х гг. XVI в. была нарушена и структура семьи, поэтому населенность живущего двора 1580-х гг. была

меньшей, чем в первой половине XVI в.; соответственно численность населения города за этот период сократилась в еще большей степени, чем количество живущих дворов. С полным основанием можно говорить о катастрофическом сокращении населения Новгорода за исторически короткий промежуток времени. В историографии закрепилось мнение, что в 1580-е гг. начинается восстановление городского хозяйства после кризиса, поскольку, по данным отрывка писцовой книги по Торговой стороне 1586 г., 66% ранее запустивших дворов числятся восстановленными¹⁵. Оживление хозяйственной жизни Новгорода в 1580-90-е гг., несомненно, происходило. Но оно не сопровождалось восстановлением численности населения города. Восстановление же запустивших дворов проходило не за счет роста населения, а за счет внутренних ресурсов посада: переселение жителей из заполий на территорию посада, расселение густонаселенных дворов, раздача пустых дворов представителям нетяглого населения и «в припуск» к живущим дворам и т. д. Отметим также еще одну особенность жизни Новгорода второй половины XVI в. (а возможно и всего XVI в.). Материалы археологических раскопок позволяют говорить о стабильности городского землевладения в XIV-XV вв.: городские усадьбы на протяжении нескольких поколений сохранялись в руках одной семьи. Источники же XVI в. рисуют картину активной мобилизации городских земель: дворы постоянно меняют своих хозяев¹⁶.

Начало XVII в., отмеченное голодом 1601-1603 гг., также не способствовало восстановлению городского хозяйства. Решающий же удар по населению Новгорода нанесла шведская оккупация 1611-1617 гг. После ухода шведов город представлял страшную картину запустения. Наиболее ярко она отражена в Описи Новгорода 1617 г. Особенно пострадала Софийская сторона: «На Софийской стороне. Белых 24 двора, а жилцов в них 25 человек. Тяглы 40 дворов, а жилцов в них 49 человек. А опричь того на Софийской стороне дворов нет, вся Софийская сторона стоит пуста, дворы и лавки пожгли в ноугородское взятие немецкие люди, а иные дворы розвезли немцы ж»¹⁷. На Торговой стороне дворов и жителей сохранилось больше, но утраты столь же значительны. Сравнение данных писцовых книг 1582/83 г. и описи 1617 г. показывает, что на каждой улице сохранялось не более 1/3 некогда существовавших дворов, жильцы же пустых дворов частично умерли «при немцах», частью сошли в другие города. Масштабы смерт-

ности городского населения в период оккупации можно представить по одному недавно опубликованному документу, содержащему сведения о количестве умерших с 1 сентября 1614 г. по 20 апреля 1615 г.: за неполных 8 месяцев в Новгороде умерло 7652 человека¹⁸.

Долгие годы после ухода шведов в Новгороде сохранялось состояние пустого города. Об этом свидетельствуют документы XVII в. Так, опубликованная А. В. Воробьевым «Роспись Софийской стороны Великого Новгорода» 1632 г., подробно описывает, сколько в Великом Новгороде на Софийской стороне монастырей, приходских церквей и «в которых местах стоят и сколько дворов всяких жилецких людей и пустых дворов, и сколько где по мере сажен промеж дворов полых пустых мест и садов и огородов и пашни»¹⁹. Несмотря на то, что к этому времени, по сравнению с Описью 1617 г., количество дворов возросло (жилых дворов посадских людей, келей и др. было уже 152), тем не менее огромные площади представляли собой пустопорожние пространства, занятые огородами, пашнями, выпасами. Ту же ситуацию мы видим и на Торговой стороне. В 1631 г. при осмотре городских укреплений Новгорода предлагалось линии Окольного города на Торговой стороне уменьшить, оставить ее только вокруг южной половины Торговой стороны, устроив новый острог по Федоровскому ручью. В обоснование этого предложения было сказано, что «острог занят велик не по людем, и в том остроге многие сады большие и огороды и хмельники и луги и пустые места, а на лугах и по пустым местом пасут животину, и осадных людей в тот острог надобе много; ... и в меньшом остроге бес прибавочных людей быти немочно»...²⁰ По данным переписных книг 1646 г. и 1678 г., на протяжении всего XVII в. восстановление численности населения Новгорода шло чрезвычайно медленными темпами.

Таким образом, с 60-х гг. XVI в. и практически по третью четверть XVII в. как населенность, так и уровень хозяйственной деятельности в Новгороде были несопоставимо меньшими, чем в предшествующее время. На основании предпринятого обзора социальных факторов формирования культурного слоя Новгорода за два с половиной столетия можно высказать предположение, что во второй половине XV - первой половине XVI вв. рост культурного слоя должен был происходить примерно теми же темпами, что и в более ранний период. С 60-х гг. XVI в. его рост должен был замедлиться, а в первой четверти XVII в. на большей части города прекратиться.

Но новгородский культурный слой представляет собой сложный антропогенный геокомплекс, в возникновении и формировании которого помимо жизнедеятельности человека крупнейшую роль играли и естественные факторы, к числу которых, в первую очередь, относятся климатогенный и биогенный²¹. Проследим влияние этих факторов на формирование культурных отложений в Новгороде в рассматриваемый период.

Е. П. Борисенков и В. М. Пасецкий на основании фенологических записей русских летописей, в истории климата последнего тысячелетия выделяют несколько периодов, в течение которых климатические условия заметно различались. Первый период, приходящийся примерно на 900 - 1200 гг., отличался сравнительно теплым климатом и получил название периода малого климатического оптимума. В XIII-XIV вв. наступил период некоторого похолодания и неустойчивости климата (переходный период), вслед за которым, примерно с конца XV в., установилось устойчивое похолодание, получившее название малого ледникового периода. Малый ледниковый период продолжался с некоторыми аномалиями вплоть до середины XIX в.²² Климат становится не только холодным, но и неустойчивым. Летописи постоянно отмечают резкие его колебания: только на протяжении XV столетия зафиксировано более 150 экстремальных природных явлений²³. Как отмечают Е. П. Борисенков и В. М. Пасецкий, «при рассмотрении всего комплекса экстремальных природных явлений обращает на себя внимание возрастание из века в век числа экстремальных природных явлений, достигающих апогея в XV- XVII вв. Это относится как к засухам, так и особенно к обильным летним дождям, возвратам ходов летом и осенью, небывало лютым зимам, чрезвычайно высоким половодьям и наводнениям в летние месяцы»²⁴. На основании подробного анализа колебаний климата исследователи пришли к выводу о том, что малый ледниковый период был самым холодным в эпоху голоцене и был более сухим по сравнению с периодами оптимумов, которые отличались увеличением количества осадков²⁵.

Таким образом, мы видим, что формирование культурного слоя во второй половине XV – XVII вв. совпадает с наиболее холодным этапом климата во втором тысячелетии – малым ледниковым периодом.

Изменения климата в сторону похолодания привели к изменениям растительного покрова. Так, с началом похолодания в XIII в. на лесном севере Европейской части России, так же как и в центральных районах

Русской равнины, произошла деградация еловых и широколиственных лесов, вместо которых получили развитие бересово-сосновые древостои²⁶. Очевидно, происходили изменения и травяного покрова, что повлияло и на процесс почвообразования.

В ходе инженерно-геологических исследований территории Новгорода в литологическом описании буровых скважин средневековые культурные отложения характеризуются как заторфованные, мало- или среднеразложившиеся (в археологических отчетах они описываются как темнокоричневые). Сравнение процессов торфообразования и накопления культурного слоя в X-XV вв. показывает, что биохимические условия формирования культурных отложений Новгорода имеют много общего с условиями формирования торфяников.

Как известно, торф накапливается из остатков отмерших растений, подвергшихся неполному разложению в условиях повышенной влажности и затрудненного доступа воздуха²⁷. При исследовании растительных остатков в культурном слое Новгорода, проводившихся на Троицком XI раскопе в 1995- 1998 гг., во всех стратиграфических горизонтах были выявлены влаголюбивые растения, такие как осоковые (*Cyperaceae*), камыш (*Scirpus spp.*) и осока (*Carex spp.*)²⁸. Все они являются растениями-торфообразователями²⁹.

На сходство новгородского культурного слоя с торфяниками указывает еще один признак. В результате болотного почвообразовательного процесса происходит не только накопление в почве органических остатков в виде торфа, но и оглеение минеральной части почвы (в археологической терминологии – материка). В процессе оглеения происходит восстановление окисных почвенных соединений, главным образом железа, в закисные. Раскисление окиси железа протекает при полном прекращении доступа кислорода, при наличии органических веществ и при участии анаэробных микроорганизмов в условиях длительного переувлажнения. В результате сложного биохимического восстановительного процесса плотные суглинистые или глинистые породы приобретают сизовато-зеленоватую, серую или голубую окраску³⁰. Именно такую окраску чаще всего имеет материк на новгородских раскопах при снятии с него культурных отложений. Как видим, культурному слою Новгорода присущи два основных признака, свойственных для болотных почв – наличие остатков растений-торфообразователей и характер подстилающих пород.

При палеогеографическом изучении стратиграфии торфяников как

на территории России, так и в Европе, были выявлены слои сильно разложившегося торфа, относящиеся к различным этапам голоцена³¹. Эти слои свидетельствуют о резком сокращении на определенных этапах темпов торфонакопления и о разрушении верхних слоев болот. Исследователи пришли к выводу, что «подобные процессы могут происходить в условиях значительного похолодания климата»³².

Исходя из этого, можно высказать предположение, что общее похолодание климата в малый ледниковый период негативно повлияло на формирование и сохранность культурного слоя Новгорода второй половины XV-XVII вв.

Подведем итоги рассмотрения различных факторов формирования культурного слоя в Новгороде второй половины XV-XVII вв. Действие социальных факторов вело к тому, что с 60-х гг. XVI в. его рост должен был резко замедлиться, а с начала XVII в. практически прекратиться. Отложившиеся во второй половине XV - первой половине XVI в. слои оказывались при этом на длительный срок – около столетия и даже более – приповерхностными и попали в зону аэрации и разрушающего действия аэробных микроорганизмов. Наступившие с конца XV в. климатические изменения также действовали угнетающе на культурный слой Новгорода. Изменения климата и состава травостоя привели к прекращению процесса торфообразования и, следовательно, уменьшению влагоемкости верхних горизонтов культурного слоя, что привлекло за собой развитие активных процессов гниения органики и разрушение приповерхностных отложений ранее образовавшегося культурного слоя. Таким образом, климатогенные факторы просто не позволяли сохраняться в XVI-XVII вв. органическим остаткам в процессе их отложения.

Действие социальных и природных факторов, негативно влияющих на процесс отложения и сохранности новгородского культурного слоя в рассматриваемый период, было, как видим, однонаправленным. Но как представляется, ведущую роль следует отводить все же климатогенному и связанному с ним биогенному факторам. Безусловно, предложенное в настоящей статье объяснение причин отсутствия в Новгороде насыщенных органикой слоев младше XV в. рассматривается нами в качестве гипотезы, требующей многосторонней проверки.

С оживлением хозяйственной деятельности в конце XVII - начале XVIII вв. в Новгороде вновь начинается рост культурного слоя, археологическая характеристика которого существенно отличается от

периода X-XV вв. Этот слой характеризуется как суглинистый, супесчаный, гумусированный с включением кирпичного боя, что отражает изменившийся характер городской жизни.

¹ Хорошев А. С. Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 245; Троиновский С. В. Раскоп на Добрине улице. (См. публикацию в настоящем сборнике).

² Сорокин А. Н. Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995. С. 28.

³ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археология Новгорода 50 лет // Новгородский сборник... С. 53.

⁴ Хорошев А. С. Культурный слой Новгорода как экологическая структура // Культура и природа древнего города. М., 1998. С. 83-84.

⁵ Сорокин А. Н. Благоустройство древнего Новгорода... С. 46-64.

⁶ Там же. С. 61.

⁷ Медведев А. Ф. Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. МИА, № 55. М., 1956. С. 209.

⁸ Сорокин А. Н. Благоустройство древнего Новгорода... С. 58.

⁹ Справочное руководство гидрогеолога. Т. I. Л., 1967. С. 330.

¹⁰ В отношении других типов водоотводных сооружений, вскрытых при раскопках в разных хронологических уровнях, можно сказать, что скорее всего, их устройство было связано с особенностями гидрологии конкретных участков территории города и не давало значительного эффекта за пределами этих участков.

¹¹ Хорошев А. С. Культурный слой Новгорода ... С. 84.

¹² Сошлемся на заложенные внутри кварталов раскоп на ул. Кирова, отдельные участки Троицкого раскопа.

¹³ Социальные факторы формирования культурного слоя – динамику численности населения города и связанный с ней уровень хозяйственной деятельности – мы рассмотрим лишь в самых общих чертах, ибо, по нашему мнению, вопрос о количестве жителей Новгорода в XVI- XVII вв., несмотря на внимание к нему многих исследователей (см.: Пронстейн А. П. Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957. С. 26-33), нуждается в дополнительном изучении. Но и обобщенной качественной характеристики демографических и хозяйственных процессов вполне достаточно для целей настоящей работы.

¹⁴ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911;

Пронстейн А. П. Великий Новгород в XVI в. С. 41-44.

¹⁵ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1946. С. 797; Пронстейн А. П. Великий Новгород в XVI в. С. 45.

¹⁶ См. книгу записи купчих на дворы 1590/91 г.: Великий Новгород во второй половине XVI в. СПб., 2000.

¹⁷ Описи Новгорода 1617 г. М., 1984. Ч. I. С. 168.

¹⁸ Дрень Л. В. Русские документы XVI - начала XVII в. в архиве шведской военной администрации Новгорода // НИС. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 384-385.

¹⁹ Боробьев А. В. Некоторые сведения по топографии Новгорода по архивным документам XVII века // НИС. Вып. 10. Новгород, 1962. С. 236.

²⁰ Новгород Великий в XVI в. Документы по истории градостроительства.

- M. 1986. Ч.1. С. 33.
- ²¹ Жекулин В. С. Историческая география ландшафтов. Новгород, 1972. С. 22-23.
- ²² Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 169-179.
- ²³ Там же. С. 179.
- ²⁴ Там же. С. 194.
- ²⁵ Там же. С. 72.
- ²⁶ Хотинский Н. А. Следы прошлого ведут в будущее. М., 1981. С. 136.
- ²⁷ Почтоведение. М., 1969. С. 272.
- ²⁸ Монк М., Джоунс П. Растительные остатки в культурном слое Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 64.
- ²⁹ Почтоведение... С. 274.
- ³⁰ Там же. С. 274.
- ³¹ Хотинский Н. А. Следы прошлого... С. 35.
- ³² Там же. С. 139.

Н. Н. Фараджева

ТИПОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ СРУБНЫХ ПОСТРОЕК ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Планомерные археологические исследования древнего Новгорода ежегодно заметно пополняют источниковоедческую базу для исследования различных сфер раннесредневековой городской культуры в общем аспекте и проблем, связанных с изучением домостроительства, в частности.

Раскопки последних трех десятилетий в Людином конце вскрыли остатки более семисот срубных строений (Троицкий I-X раскопы)*, располагавшихся на территории 16 дворов-усадеб, относящихся к середине X – первой половине XVвв. Значительный приток материала и необходимость его обобщения сделали необходимым рассмотрение вопросов типологии деревянных построек с целью конкретизации и уточнения разработанных ранее типологических схем.

Целесообразность создания новой типологии деревянных построек, отличной от предложенной П. И. Засурцевым, была обоснована нами ранее¹. Оставим за пределами данного исследования и типологию столбовых отдельно стоящих строений и каркасных пристроек срубных домов.

* Далее все статистические данные приводятся для Троицких I-X раскопов.
80

Для обоснования правомерности данного исследования необходимо коротко остановиться на основных положениях предложенных ранее классификаций для срубных построек древнего Новгорода.

В начале 90-х гг. почти одновременно были опубликованы две работы, в которых разрабатывались классификационные схемы для деревянных построек Новгорода. Одна из них принадлежала А. С. Хорошеву и А. Н. Сорокину², другая – автору данной работы³.

Данные классификационные схемы были в значительной мере схожи в той части, где различные уровни классификационной шкалы выделялись исходя из внутренней планировки построек, а именно, наличию или отсутствию отопительного устройства и его местоположению по отношению ко входу в дом. Однако, они имели существенные отличия, определяемые выбором основного типологического признака, являющегося основанием для любой классификации.

В качестве основного признака А. С. Хорошевым и А. Н. Сорокиным была выбрана форма плана построек. Весь массив срубных домов разделялся на две основные группы: к группе I относились постройки подквадратного плана, к группе II – дома удлиненных пропорций. Однако, отсутствие критерия для выделения данных групп при значительном разбросе пропорций ассимметричных строений обусловили некоторую произвольность при отнесении построек к той или иной группе, а, следовательно, «размытость» нижестоящих уровней классификации.

Основанием для предложенной нами классификации была выбрана планировочная структура домов, а именно, конструктивное соединение капитальных бревенчатых стен. Это позволило разделить весь массив срубных домов на три основные группы: четырехстенные (группа I), пятистенные (группа II) и шестистенные (группа III) строения. Данный признак представлялся вполне удачным, т. к. во-первых, определял конструкции домов по горизонтальному плану, что соответствовало специфике археологического материала, во-вторых, являясь «главным признаком исторической типологии жилища»⁴ должен был соответствовать историческим задачам исследования. Вероятно, он был бы наиболее подходящим при идеальной сохранности нижних частей построек. Однако, недостаточная степень сохранности материала, в ряде случаев не позволяющая четко характеризовать планировочную структуру сооружений, делает иногда уязвимой данную классификационную схему. Кроме того,